

Путь к Нагорной проповеди

Нравственные истоки современного человека

Николай ЩЁКИН,
кандидат философских наук, доцент

Испанский философ середины XX века Ортега-и-Гассет отметил, что возрастающее усложнение современного мира сопровождается таким же чудовищным упрощением подходов к его осознанию и осмыслению. Уверен, что причину подобных процессов следует искать в самом человеке, в его ценностных основаниях, его восприятии и понимании как мировых новаций, так и всего происходящего с ним самим.

Ценностные установки, вырабатываемые веками посредством проб и ошибок, обусловлены стремлением не просто обустроить свое жизненное пространство, но и, прежде всего, увидеть себя в этом мире. Проблема индивидуального и социального в поисках смысла жизни представляется знаковым фактором в формировании традиции в цивилизационной динамике христианства.

Человек только тогда осознал себя человеком, когда впервые для себя поставил вопрос: в чем состоит его назначение? Подобная саморефлексия окончательно сформировалась с момента возникновения профессиональной умственной деятельно-

сти. Это произошло в период перехода от первобытного к так называемому цивилизованному обществу. Вечные и мучительные вопросы приводили человека к необходимости поиска связи между собственной индивидуальностью и целостностью общества. Человек – смертен, общество – вечно. Таков общий силлогизм, в котором блуждало человеческое сознание.

В древневосточных цивилизациях этот силлогизм всегда разрешался в пользу общества в сравнении с отдельным, конечным бытием человека. Причем социальная система отождествлялась с окружающим миром и наделялась сверхъестественной сущностью. Поэтому и ответ на вопрос: зачем человек живет? – не вызывал особых раздумий и сводился к выполнению существующего религиозно-нравственного предписания: цель жизни заключается в единении со всеобщей божественной сущностью. Это прикосновение к вечному и нетленному происходит лишь после того, как сам человек закончит свое земное существование.

Такая система ценностей приводила к осознанию временности существования, выводя истину за пределы человеческого бытия. Сама же истина персонифицировалась в образе высшего существа, олицетворявшего собой существующий уклад жизни.

Так, древние египтяне верили, что фараон – это живой Бог на земле, он не умира-

ОБ АВТОРЕ

ЩЁКИН Николай Сергеевич.

Родился в 1972 году в г. Минске. В 1997 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета, в 2000 году – аспирантуру факультета философии и социальных наук БГУ.

С 1999 года работал в Академии управления при Президенте Республики Беларусь: заведующий отделом технологий кадровой политики, заместитель директора, директор Центра государственной кадровой политики НИИ ТПУ, заместитель директора Института государственной службы. С 2008 года исполнял обязанности директора, с 2009 по сентябрь 2013 года – директор Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Кандидат философских наук (2004), доцент.

Автор более 90 научных работ.

Сфера научных интересов: проблемы социальной философии, идеологии, вопросы цивилизационной динамики христианства, истории религии, философии истории, истории становления и эволюции церкви, генезиса христианской литургии, конфессиональных отношений.

ет, а, подобно солнцу, заходит за горизонт. После земной жизни ему строился неземной дом, в котором обитала душа фараона. Знаменитые египетские пирамиды и были выражением смысла жизни древнего человека, являясь истинными храмами вечности. Цель человеческая состояла в том, чтобы свою жизнь отдать на службу строительства этого божественного храма. Вот почему возведение пирамид было главной государственной и общественной обязанностью того времени.

Особенность подобной системы ценностей вытекала из сущности той социальной связи, когда объективно существовал фараон, а все остальные члены сообщества рассматривались в качестве живых орудий, необходимых для возведения Некрополя. При существовании такой системы ценностных координат все, кроме фараона, представляли собой камни, из которых возводилось жилище «зашедшему за горизонт». Человек изначально отождествлялся со смертью, поскольку смысл его жизни был в строительстве Некрополя.

Древние греки были правы, называя пирамиды некрополями – городами мертвых, но такое восприятие не отменяло правды древнего египтянина. Некрополистическая система ценностей создала великую по исторической значимости литературу, в которой была зафиксирована бессмысленность человеческой жизни и истинность человеческой смерти. «Все суета сует и томление духа», «Все произошло из праха и возвратится в прах», «Кто умножает познание, тот умножает скорбь», «Не пируй, господин мой, не пируй! Голод и еда, жажда и питье доставляют страдание человеку» – говорится в древневосточной литературе.

Принято считать, что в истории Древнего Востока воплотилась философия старости, поскольку только человеку на закате жизни свойственно утверждать: «умереть – значит жить». Но это утверждение отнюдь не равнозначно констатации, что история жизни человека началась с конца.

Первый шаг на пути человеческой цивилизации был наиболее трудным. Сделать его можно было лишь при условии преобладания ума над собственной детской природой человека. Начав с мудрости, нельзя было не прийти к выводу, что «во всякой мудрости много печали». Может быть,

в этом и заключается непостижимое таинство подобной системы ценностей для последующих поколений. Древние греки преклонялись перед вековой мудростью древневосточного человека, и человечество до сих пор где-то в тайниках своей души сохранило веру в абсолютную ценность древней культуры.

Вместе с тем простое заимствование этих мыслей в наше время с целью оправдания своего жизненного разочарования представляет собой маскарадную попытку современной цивилизации «заглушить свои последние страдания» лицемерным парфразом великих песен старины.

В действительности, с исторической точки зрения, такие взгляды ошибочны. Древний Восток – это дитя, но без соответствующего ему периода жизни – детства. Такая цивилизация не может не быть односторонней. Там, где пытаются рассмотреть абсолютность и всеобщность, на самом деле скрывается ограниченность и неясность. Не познав радости жизни, древневосточный человек не может испытать и разочарования в ней. Некрополистическая система ценностей делает его безразличным к собственному существованию. Разумеется, такая характеристика несколько не исключает исторической значимости той величественной политики общества по сооружению Некрополя, чтобы стать Богом. Древневосточный человек первым осознал связь между жизнью и смертью, он первым вкусил яблоко с древа познания добра и зла и первый сказал: «чтобы жить, надо умереть».

Но действительная история должна была начаться не с конца, а с начала, и это произошло в Элладе. Античность – детство человечества. Ее символом в мироощущении современника предстает образ шаловливого Эрота, выпускающего свои золотые стрелы в сердца людей и заставляющего их почувствовать всю радость непосредственной человеческой жизни. Древние греки, отдававшие должное некрополистической системе ценностей древневосточного человека, выстроили собственную систему ценностей, которую можно назвать акрополизмом.

Античный акрополизм сумел в наиболее адекватной форме выразить антропологический взгляд на смысл жизни и назначение человека. Строительство Акрополя, а

не Некрополя – вот какая цель стояла перед античным человеком и обществом в целом. Город живых людей, а не мертвых богов – таким было кредо царившего в нем образа жизни.

Все социальные институты античного полиса: религиозные мистерии, олимпийские игры, театральные зрелища, гимнастические занятия, дионисийские празднества как бы утверждали очеловечивание всего сущего.

Соматическое, скульптурное видение мира не позволяло античному человеку бросаться в крайности, заставляло придерживаться золотой середины. Не случайно один из важнейших нравственных императивов античного общества гласил: «мера важнее всего». В этом секрет влияния античной скульптуры как главного вида искусства на последующие поколения, ибо свойственный ей способ выражения реальности наиболее грамотно включает человека во всю структуру социальных и межличностных отношений.

Можно было бы сказать, что античность дала истинное понимание природы ценностей, при условии, если бы история человечества остановилась на своем детстве. Но как ребенок с течением времени взрослеет и от него требуют прекратить шалости, так и в истории человечества наступило время перехода от детства к зрелости. Этот период не мог не вызвать ценностного кризиса античного общества. «Когда прекратилась забота богов о людях, – говорит Платон – им пришлось самим думать о своем образе жизни и заботиться о себе» [1, с. 30–31]. Эти размышления порой приводили к явным противоречиям. Эдип разгадал загадку Сфинкса, но не избежал приговора Судьбы.

Логика переходного периода от детства человечества к его зрелости вела к парадоксальной аргументации. Создаются концепции, пытающиеся примерить беззаботность детского периода с сомнениями зрелого возраста. Аристотель стоит на рубеже двух эпох, когда античный человек заканчивает свое развитие, а постантический стремится совершить следующий шаг. Рабство и частная собственность – вот два нравственных устоя, на которых, как утверждал Аристотель, должна держаться система ценностей человека. Почему рабство необходимо? Потому что только греки по своей природе

свободные люди, варварам же изначально уготована участь рабов. Это положение закономерно опирается на другую ценность аристотелевской «Политики» – частную собственность, которая, по мнению мыслителя, является природной потребностью человека. Заслуга Аристотеля в том, что он раскрыл сущностную связь между частной собственностью и рабством, тем самым предвосхитив несостоятельность аргументации современных проповедников частной собственности, основывающейся на том, что последняя есть основой свободы человека.

Хотя Аристотель везде и всюду проповедует меру в образе жизни, однако примирить базирующуюся на подобных подходах систему ценностей с существующим эгоистическим порядком невозможно. Аристотелевская концепция ценностей, безусловно, прагматична, так как она давала оправдание рутинной жизнедеятельности античного обывателя. Отсюда проистекало натурфилософское обоснование эгоизма и рабства.

Но как взрослый человек испытывает угрызения совести, требуя от своего ребенка выполнения правил, которых не придерживается сам, так и античное общество, вступившее в пору своей зрелости, не могло не видеть возникшего противоречия между эгоизмом отдельного гражданина и общественным долгом. Перекос в сторону прав отдельного гражданина вел к девальвации обязанностей человека, что находило свое отражение в комедиях Аристофана.

Как абсолютное преклонение древневосточного человека перед религиозными предписаниями, так и софистическое отрицание каких бы то ни было всеобщих ценностей, которыми каждый должен руководствоваться в своей жизни, в равной степени постулировали бессмысленность человеческого существования. Древневосточная философия совершенно ясно говорила о суетности жизни, о непрерывности страдания. Софистика, субъективирующая социальную жизнь, казалось бы, была полностью привязана к отдельной личности, но знаменитое диогеновское выражение «Ищу человека» наглядно показывало неубедительность протагорского афоризма «Человек есть мера всех вещей». Может ли человек быть мерой всех вещей, если он не только дважды, но единожды не может

► Картина Рембрандта
«Моисей
со скрижалями
законов». 1659 год

войти в одну и ту же реку? Такой человек вольно или невольно смысл жизни будет ставить в зависимость от судьбы, определяемой внешними обстоятельствами.

Свободный, беззаботный античный человек эпохи своего детства уступил место резонерствующему взрослому нигилисту, внутренне готовому согласиться с рабством и признать сначала македонское, а затем и римское владычество. Подобная ценностная установка вела к переносу собственно человеческих качеств на внешнюю, чуждую по отношению к человеку силу. Следование ей, несмотря на кажущуюся субъективность, помогало человеку разрешать социальные коллизии чисто формальным образом: дескать, причины не во мне, а в других людях, и в том, что моя жизнь протекает в несчастьях, виновен не я, а другой человек, желающий мне зла и творящий его.

Платон, наблюдавший разрыв между внутренним и внешним долгом и правами в человеческой жизни, подчеркивал, что «когда человек в каждом отдельном случае считает виновником своих проступков и многих громадных зол других людей, а не самого себя, и когда он постоянно выгораживает себя, точно он не виновен, он лишь по видимости почитает свою душу, на деле же очень далек от этого, ибо он ей вредит» [1, с. 213].

Если такая ценностная установка становится всеобщим императивом, то функционирование социального организма сводится лишь к внешнему соблюдению формальных предписаний.

Заповеди в знаменитом ветхозаветном Декалоге отразили тот период в истории человечества, когда система ценностей строилась исключительно по принципу приоритета внешнего формализма перед личностной мотивацией человека. «Не убий», «не укради», «не лги», «не прелюбодействуй», «почитай отца твоего и мать твою» – вот законы, одновременно бывшие и нравственными максимумами, которыми должны руководствоваться в своей жизни люди. Разумеется, они необходимы, но достаточны ли для достижения счастливой жизни? Декалог этим вопросом не задается.

Нагорная проповедь Иисуса Христа радикально пересматривает всю предшествовавшую христианству систему ценностей, отдавая приоритет личностному совершенству перед формальным исполнением ветхозаветной обрядности. Не искать сучок в глазу другого человека, а, прежде всего, обратить внимание на бревно в собственном – таково условие обретения смысла жизни и нравственного совершенствования.

В самом деле, люди всегда склонны к самооправданию. Действительный прогресс человечества в том и состоит, что необходимо уметь при определенных обстоятельствах возложить вину в первую очередь на самого себя, а не на другого, поскольку неспособность к этому может стать при известных условиях преградой социальному прогрессу.

Каждый из нас вообще-то способен отличить добро от зла в повседневной бытовой жизни. Но укоренившееся лицемерие не позволяет человеку назвать дурное дурным, так как такое признание объективно ведет к пересмотру человеческих взаимоотношений. «Когда мы встречаемся с опасным человеком, – рефлексировал Э. Фромм, – мы знаем, что он опасен; мы знаем, когда перед нами человек, которому можно полностью доверять; мы знаем, когда нам лгут или когда нас эксплуатируют, или дурачат и обманывают и когда нам удастся перехитрить самого себя. Мы знаем почти все, что важно знать о человеческом поведении... мы свое знание немедленно подавляем, потому

что будь оно осознано, жизнь сделалась бы слишком трудной и, по нашему убеждению, слишком «опасной» [2, с. 105].

Нравственная система ценностей основывается на том, что человек как в самом себе, так и в другом видит не внешний фактор, а свою собственную сущность. Где есть нравственность, там есть и социальность. Платон повторяет древнее изречение, что у друзей все общее, а Новый Завет, утверждая новые человеческие ценности, говорит, что у христиан все общее. Ветхий мир и ветхий человек завершили свое историческое бытие со смертью Анании и Сапфиры. Новый мир и новый человек, провозглашая принципы нравственного императива, закладывают фундамент антропологической системы ценностей. «Как стать счастливым человеком?» – спрашивает Сенека. И отвечает: «Для этого надо стать самому себе другом». В результате, полагает «дядя христианства», человек, во-первых, никогда не будет одинок, потому что рядом с ним его друг – он сам, во-вторых, такой человек будет смотреть на других людей не как на своих недругов, а как на друзей.

Несмотря на то что христианская система ценностей и представляла новую главу во всемирной истории, с полным правом можно говорить о наличии несомненной взаимосвязи между античной философией и евангельским христианством, в частности, между Платоном и Христом в понимании праведной жизни человека.

Наше традиционное представление о противоположности язычества и христианства, схватывая внешнюю взаимосвязь явлений, не замечает тождества в различии. Платон не столько противостоит Христу, сколько является предтечей христианства. Сова Афины, олицетворявшая мудрость античности, вылетает поздно ночью, то есть тогда, когда собственно античность уже закончила свое существование. Она возвестила наступление Новой эры.

Сходство философии Платона и учения Христа состоит в том, что оба учения исходят из нравственного сознания, оба ставят своей целью достижение счастливой жизни, оба апеллируют к внутреннему миру человека. Однако разная трактовка сущности человека обуславливает различия в аргументации мыслителя и пророка. Платон убеждает построениями диалектической логики, Христос – доводами нрав-

ственной жизни. Платон мыслит так: если мы докажем истину, то тем самым укажем основу создания идеального нравственно государства. Христос же пророчесствует о новой морали и внутренней вере человека как основополагающих устоях Царства Божьего. Поэтому в Новом Завете убедительная жизненная диалектика Иисуса Христа (достаточно вспомнить хотя бы эпизод с женщиной, которую обвинили в прелюбодеянии) сочетается с апелляцией к сверхъестественному (например, хождение по морю), рассчитанной именно на слепую веру человека, а не на разум.

Дальнейшая эволюция христианства вела к тому, что часто сверхъестественный элемент (чудеса) в учении Христа заслонял собой нравственную мудрость Нагорной проповеди. Хотя, на наш взгляд, истинная сущность христианского учения лежит как раз в сфере морально-этической, а не сверхъестественной.

Разумеется, без веры нельзя жить. Но что она собой представляет? Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом, – разъясняет апостол Павел. Такое определение вполне можно признать правильным, так как под гносеологию христианского идеала подводится необходимость убеждения осуществимости этого идеала в реальной жизни христианина-праведника. Вот как Иоанн Златоуст определяет идеал христианского образа жизни. «Отнял ли кто у тебя деньги? Говори: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Услышал ли ты о себе какое зло, или бесчисленными кто тебя поношениями озлословил? То вспомни то слово: горе вам, когда хорошо о вас говорят все люди. И радуйтесь, и веселитесь, когда скажут на вас всякое зло. В тяжкую ли впал болезнь? Только оное Апостольское слово: елико внешний наш человек тлеет, только внутренний обновляется по вся дни» [3, с. 291]. Кажется, это невыполнимо, но то, что невозможно для человека несовершенного, становится возможным для человека совершенного. Невозможность не есть неосуществимость, а всего лишь трудность осуществления какой-либо цели. Трудность становления человека не есть невозможность стать им.

Представление нашего современника о недостижимости и утопичности идеала есть просто отражение безверия рыночной

идеологии. На таком фундаменте невозможно выстроить никакую сознательную человеческую деятельность. Вера спасла тебя, говорит Христос женщине, которая не сомневалась в истинности обретения нравственной жизни. Рано или поздно, но человек приходит к признанию веры в осуществление ожидаемого, потому что, по верному замечанию Льва Толстого, «всякий ответ веры конечному существованию человека придает смысл бесконечного, – смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями, смертью» [4, с. 132]. Придав решающее значение так называемым чудесам Иисуса Христа, церковники, по мысли Льва Толстого, неглавное возвели в главное, закрыв тем самым путь к истинному христианскому учению.

Отметим, что даже И. Кант не смог справиться с диалектикой веры и знания. Отождествляя знание с сущим, а веру с должным, Кант изгнал последнюю в трансцендентный мир, к которому человек может только приближаться, но не достигнуть. Если в реальной жизни вера неосуществима, то нельзя ее спасти и в мире кантовской трансценденции. Гегель разъяснял, что данная ошибка Канта происходила из его общего заблуждения в том, что человек способен познать только явление, а не сущность. Прочное отграничение явления от сущности, конечного от бесконечного, знания от веры, как показывал Гегель, приводило к тому, что трансцендентный мир Канта объективно превращался в трансцендентальный, а его знание вело к неверию. К нравственной божественной жизни можно лишь приближаться, но достигнуть ее невозможно, – утверждает И. Кант. Возможно, отвечает Гегель, если человеку будет

позволено не только переставлять границу, но и переходить ее. И этот ответ абсолютно правилен, ибо кантовская граница между сущим и должным является в данном случае тем барьером, который не разрешается преодолеть человеку.

Таким образом, можно с определенностью сказать, что ценности всегда являются человеческими и носят социальный характер. Аксиологическая ретроспектива с наглядностью показывают, что они формируются на основе социальной практики, непосредственно индивидуальной деятельности человека в контексте социокультурных, религиозных и цивилизационных условий. Более того, на примере исторических этапов развития человека с полной уверенностью можно говорить об общечеловеческих ценностях. Ведь те системы, которые вырабатывались исторической традицией, в дальнейшем легли в основу ценностной матрицы, парадигмы всего христианского мира. В свою очередь, диалог, основанный на ценностном выборе, создал стратегически важные векторные направления как в развитии христианской цивилизации, так и во взаимодействии государства и церкви. Религиозное отношение к действительности, которое доминировало в ранних цивилизациях, во многом обосновывало и определяло ход исторических событий.

Ценностная и религиозная мотивация действий человека и общества выступала как фактор возникновения новых социальных институтов, обеспечивающих функции устойчивости и порядка социального мира. В связи с этим следует также отметить, что именно религия как цивилизационный феномен всегда оставалась релевантна конкретной социокультурной метатрадиции.

Парадигмальный статус социальных ценностей в обществе заключается в ценностных ориентациях, ценностно-рациональном действии индивида и общества в целом. В данном случае христианское понимание добра и истины, выступающих в качестве основополагающих ценностей, явилось фундаментом, необходимым человечеству для осмысления диалога не только различных культур, но и, прежде всего, в контексте социального действия, диалога государства и церкви как социальных институтов. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Сочинения: в 3 т. / Платон; пер. с древнегреч.; под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1968–1972. – Т. 3, ч. 2. – 1972.
2. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм; пер. с англ.; общ. ред. и послесл. В.И. Добренкова. – М.: Прогресс, 1990.
3. Иоанн Златоуст. Дух, или мысли святого Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского или Сокращенное нравственное его учение: Из золотых его сочинений выбранное, и на каждый день всего года к размышлению предложенное / Иоанн Златоуст; пер. с лат. Г. Щеголева. – М.: Сенат. тип., у Ф. Гиппиуса, 1781.
4. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. / Л.Н. Толстой; под общ. ред. Е.Н. Акоповой [и др.]. – М.: Художественная литература, 1960–1965. – Т. 16: Публицистические произведения, 1855–1909 гг. – 1964.